

То любовное письмо, которое он написал, можно было назвать воплощением всего интеллекта, который был у него и Линь Сяомянь: у Цинь Шиу — 0, у Линь Сяомянь — 99.

Таким образом, даже если объединить почти стопроцентный интеллект Линь Сяомянь, лучшей ученицы их класса, это не смогло бы компенсировать абсолютный ноль Цинь Шиу.

В итоге, после умножения, результат всё равно остался нулевым.

Увидев это великое любовное письмо, которое можно было бы назвать нематериальным культурным наследием человечества, разве Лу Тун не пролил слезы умиления?

Цинь Шиу с сожалением подумал об этом.

Конечно.

«В некотором смысле, слезы гнева тоже считаются слезами».

Что же он ответит Цинь Чу?

В своём воображении Цинь Шиу перечислил шесть слащавых фраз, которые могли бы вызвать мурашки.

Например, первая: «Дорогой, я тоже давно тебя люблю, давай встречаться, давай поженимся прямо сейчас».

Вторая: «Муженек, я так растрогана, давай поженимся сейчас же!»

Третья: «У-у-у, муженек, я так тебя люблю, давай поженимся...»

Суть была одна: в маленьком мире Цинь Шиу самым важным вопросом было, поженятся ли его родители или нет. Это касалось мечты девятисот миллионов девушек, и тут нельзя было расслабляться.

Он сглотнул, увидев, как Цинь Чу разблокировал экран, и тут же прилип глазами к дисплею, словно вытащил глазные яблоки и приклеил их к стеклу.

Наконец он увидел сообщение от Лу Туна.

[Лу Тун]: Ты с головой дружишь?

Цинь Шиу: ...=рот=!

Как это могло так получиться!

Цинь Чу посмотрел на сообщение Лу Туна, затем на выражение лица Цинь Шиу, и тут же связал одно с другим. Он схватил Цинь Шиу за загривок — спустя шестнадцать лет его отец любил так же хватать его, словно котенка, и таскать туда-сюда. Оказалось, что и шестнадцать лет назад у Цинь Чу уже была эта дурная привычка.

Изначально Цинь Чу не подозревал, что Цинь Шиу что-то затеял.

Но, к сожалению, Цинь Шиу не умел скрывать свои эмоции, и все его мысли были написаны на лице.

— Мелкий, признавайся, что ты натворил?

Цинь Шиу замотал головой, как барабан.

— Прикидываешься дурачком? — прошипел Цинь Чу.

Цинь Шиу замотал головой ещё сильнее:

— Нет! Это недоразумение, папа, что я мог сделать. А! Лао Чжао идёт!

Воспользовавшись тем, что Цинь Чу посмотрел в сторону окна, он тут же юркнул на своё место.

Лао Чжао вошёл с бланком для регистрации на спортивные соревнования и поручил физруку их класса, Гу Кайфэю, организовать список участников.

— Каждый должен принять участие в одном мероприятии, особенно мальчики, чтобы я не поймал кого-то без регистрации, — Лао Чжао скрестил руки на груди, наблюдая за классом.

Спортивные соревнования в Первой провинциальной школе были назначены на среду после экзаменов, то есть на следующую неделю.

В понедельник и вторник сдавали девять предметов, а в воскресенье вечером на вечерних занятиях проводили генеральную уборку и расставляли парты.

Девочки не проявляли особого интереса к соревнованиям, да и их класс первого года обучения ещё не успел сблизиться. Лао Чжао не знал, кто на что способен, поэтому поручил Гу Кайфэю провести опрос.

Обойдя класс, Гу Кайфэй подошёл к Цинь Чу.

— Цинь Чу, что ты выбираешь?

Цинь Чу посмотрел на таблицу:

— Что осталось?

Гу Кайфэй:

— Остался забег на полторы тысячи метров.

Цинь Чу не возражал, и Гу Кайфэй вписал его имя в список.

Цинь Шиу подскочил:

— А меня почему не спросили?

Гу Кайфэй напрягся, чувствуя неловкость.

Цинь Шиу, казалось, был человеком, который не помнил зла и не держал обиды. Несмотря на их крупную ссору в классе, он через несколько дней всё забывал и вёл себя так, будто ничего не произошло, болтаясь перед ним.

Только Гу Кайфэй один помнил эту ерундовую историю, и это заставляло его чувствовать себя неловко.

К тому же, после драки Цинь Шиу словно стал другим человеком, его характер стал невероятно приятным.

Он был резким, в классе творил беспредел и игнорировал школьные правила, но всегда знал меру. Никогда не отпускал пошлых шуток и не говорил колких слов, которые могли бы задеть.

Иногда его резкость только добавляла ему крутости.

Большая часть класса уже была на его стороне — девочки в основном пытались через Цинь Шиу сблизиться с Цинь Чу.

Теперь отношения с Цинь Шиу у всех были лучше, чем с Гу Кайфэем.

— А ты что выберешь? — спросил Гу Кайфэй, немного оправившись от неловкости.

Цинь Шиу, словно важный господин, взял у него бланк и пробежался глазами по списку:

— Тогда... выберу волейбол.

Гу Кайфэй фыркнул:

— Волейбол? Ты серьёзно? Зачем соперничать с девочками за место, это же самый лёгкий вид.

Цинь Шиу, пользуясь тем, что его тело было омегой, без стыда заявил:

— У меня нет прав омеги? Я нежный и слабый, могу только волейбол играть.

Одной ногой он мог отправить в полёт здоровяка ростом метр семьдесят восемь, но при этом называл себя нежным и слабым омегой?

Гу Кайфэй почувствовал холодок по спине, не соглашаясь с этим.

Цинь Шиу, однако, был не так прост. Задав вопрос, он тут же добавил:

— Этот список вы сдаёте в воспитательный отдел?

Гу Кайфэй:

— Да. А что?

Цинь Шиу:

— О, просто так. Кстати, когда ты пойдёшь в воспитательный отдел? Я вспомнил, что мне надо к Лао Хэ.

Лао Хэ, заведующий воспитательным отделом Первой провинциальной школы.

Человек небольшого роста, но с большими амбициями — особенно когда дело доходило до рукоприкладства.

Такие ученики, как Цинь Шиу, Гу Кайфэй и Цинь Чу, бывали в воспитательном отделе не реже одного раза в неделю, поэтому Гу Кайфэй не сомневался в нечистых намерениях Цинь Шиу.

Как только Гу Кайфэй ушёл, Цинь Шиу дернул Цинь Чу за руку:

— Пошли, папа, нам надо в воспитательный отдел!

Цинь Чу даже глазом не повёл, продолжая играть на телефоне, и холодно произнёс:

— Ты видел, чтобы преступник сам шёл в полицию с повинной?

Цинь Шиу:

— Это говорит о моей высокой сознательности! Пошли.

Цинь Чу поднял глаза:

— Зачем тебе туда?

Цинь Шиу замялся, затем таинственно прошептал:

— Украсть список из класса второго года. Разве ты не хочешь узнать, что выбрал Лу Тун?

Цинь Чу:

— ...А зачем мне знать, что он выбрал?

Цинь Шиу:

— Ну конечно же... — конечно же, чтобы заранее подготовиться к заботе и вниманию!

Если Лу Тун выберет забег, то нужно подготовить воду.

Если Лу Тун выберет прыжки в длину, то нужно подготовить полотенце.

Если Лу Тун...

В общем, на спортивных соревнованиях слишком много тех, кто хочет воспользоваться моментом, чтобы сблизиться с твоей женой!

Мужчины, женщины, все цветы расцветают, ты сможешь всех отвадить, глупый папа? Конечно же, нужно предотвратить всё заранее!

Однако Цинь Чу категорически отказался:

— Мне это неинтересно.

Цинь Шиу: ???

Ты не просто неинтересен, ты просто нелогичен!

Как можно быть не заинтересованным в своей жене?

Ладно, Цинь Шиу стиснул зубы, если папа не пойдёт, он сам пойдёт. В конце концов, он возьмёт список Лу Туна, посмотрит и просто скажет Цинь Чу.

В тот же день в обед, когда учителя и ученики ушли на обед, Цинь Шиу пробрался в воспитательный отдел.

В отделе было несколько учителей, которые ещё не ушли на обед и готовились к занятиям.

Увидев Цинь Шиу, они спросили:

— Кого ты ищешь?

Цинь Шиу, не моргнув глазом, ответил:

— Меня вызвал заведующий Хэ.

Заведующий Хэ вызывал слишком много учеников, поэтому учителя не нашли странным подозрительное поведение Цинь Шиу.

Он сделал вид, что стоит у стола Лао Хэ, и наконец дождался, когда последние учителя ушли на обед.

В воспитательном отделе остался только Цинь Шиу.

Он быстро подскочил к столу учителя Ли, отвечающего за составление списков участников, и начал лихорадочно рыться.

— Не может быть, я же видел, как Гу Кайфэй оставил документы здесь?

Он так активно рылся, что стол превратился в полный беспорядок. Подумав, что учителя не вернутся с обеда так быстро, Цинь Шиу продолжил свои поиски с маниакальным упорством.

Когда бумаги разлетелись по всему столу, дверь кабинета внезапно открылась.

Цинь Шиу, пойманный на месте преступления, в панике спрятался под столом учителя Ли.

В руках у него было несколько списков, неизвестно, из какого они класса.

Вошедший шагал уверенно, не стесняясь, и Цинь Шиу предположил, что это вернувшийся с обеда учитель.

Он молился в душе: пусть это будет тот, кто просто зашёл за чем-то и сразу уйдёт!

Но этот «учитель» не услышал молитв Цинь Шиу. Он не только задержался в кабинете, но и подошёл всё ближе, остановившись у стола учителя Ли, и начал листать лежащие там списки.

...Не может быть.

Цинь Шиу внутренне застонал.

<http://bllate.org/book/16741/1561364>